

СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С «ВОЕННОЙ УГРОЗОЙ» КАК МЕХАНИЗМ МОБИЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.¹

В статье рассматривается роль международной ситуации конца 1920-х гг. и перехода к необычайным методам управления в период «великого перелома» в разработке советским руководством стратегии борьбы с «военной угрозой» как формой социально-политической мобилизации. Концепция «военной угрозы» обосновывалась и транслировалась через дискурс официальной пропаганды, использовалась для развертывания милитаризации общественного сознания и общественной жизни, управления мнениями и настроениями населения. Авторы показывают, что соотнесение мобилизационных властных и «низовых» практик позволяет говорить о возможностях, сравнительной эффективности и пределах социального инжиниринга, внутренней напряженности раннесоветского общества в кризисный период его развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а: раннесоветское общество, социальная мобилизация, «военная угроза», официальная пропаганда, милитаризация, общественное сознание, общественная жизнь.

Феномен социальной мобилизации стал неотъемлемой характеристикой процессов государственного управления в индустриальных странах, прошедших горнило Первой мировой войны. Несмотря на зарождение его предпосылок на рубеже XIX–XX вв., решающую роль в его утверждении сыграл опыт Первой мировой войны, продемонстрировавший возможность и эффективность национальной и социальной мобилизации как инструментов управления обществом. Война ускорила распространение новых представлений о роли и возможностях государства, которые стали связываться с «переделкой» сознания и поведения человека, «взрачиванием» нового человека, т. е., по сути, с реализацией задач социального

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

инжиниринга. «Тотальная война, – отмечает П. Холквист, – была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением» [Холквист, 1999, с. 84].

Ряд авторов считают мобилизационный тип развития сущностной характеристикой российской цивилизации, основным способом решения проблем, связанных с необходимостью ускоренной модернизации социально-экономических институтов российского общества [см.: Социальная мобилизация в сталинском обществе..., с. 54]. Однако вряд ли можно говорить о социальной мобилизации в ее современном значении применительно к периоду российской истории до начала Первой мировой войны. В России социальная мобилизация как метод управления получила широкое развитие на основе опыта мировой войны после Революции 1917 г., когда стала одним из способов реализации большевистского властного проекта.

Специфика советского варианта мобилизационного развития по-разному характеризуется исследователями. Сибирские историки, успешно разрабатывающие проблему социальной мобилизации в сталинском обществе [см.: Там же], предложили убедительную трактовку ее роли в утверждении сталинского режима. Они отмечали, что именно «мобилизационность», став сущностной характеристикой постреволюционного советского режима, в значительной мере определяла формат, направления и масштабы модернизационных процессов. Феномен социальной мобилизации правомерно рассматривается ими как *системная характеристика сталинского режима на стадии его утверждения*. В раннесоветский период создавались и действовали, как было показано в этих работах, институциональные основы, механизмы мобилизационных процессов в таких сферах, как политика, идеология, экономика, культура, массовое сознание; вырабатывались практики адаптации и стратегии поведения различных категорий населения в условиях мобилизационного воздействия.

П. Холквист отмечает, что социальная мобилизация была не просто инструментом, одним из ресурсов, а краеугольным камнем развития советского общества, строилась на уверенности

большевистской власти в реальности коренной переделки общества и людей [см.: Холквист, 2001, с. 69–72].

О. В. Хлевнюк связывает широкое использование мобилизационных механизмов с особенностями сталинской политической системы: «Такие методы приводили к уничтожению огромных материальных ресурсов и многочисленным человеческим жертвам, но были действенны с точки зрения логики функционирования сталинской системы. Они позволяли компенсировать слабость традиционных стимулов развития, таких как экономическая заинтересованность и социальная инициатива. Они держали в мобилизационном напряжении аппарат и обеспечивали высокий уровень мобилизационной централизации» [Хлевнюк, с. 67].

Значимость механизмов социальной мобилизации возростала в переломные периоды истории советского общества, одним из которых была эпоха «революции сверху» 1928–1932 гг. Период «большого скачка» в годы первой пятилетки, форсированной индустриализации и коллективизации ознаменовал слом нэпа и переход к качественно иной, командно-административной, форсированной модели развития. Важность этого периода как «второй революции», или второй стадии большевистской революции, начавшейся в 1917 г., подчеркивается исследователями. Так, Ш. Фитцпатрик и А. Людтке по этому поводу пишут: «Большевистская революция прошла две стадии. Первая была связана с захватом власти в 1917 году, вторая – с экономической революцией сверху в конце 1920-х гг., которая включала ускоренную индустриализацию, объявление вне закона городского частного сектора и коллективизацию сельского хозяйства» [Fitzpatric, Ludtke, с. 269].

Поиск властью эффективных методов обеспечения участия населения в реализации внешнеполитического и внутривнутриполитического курсов в условиях перехода к чрезвычайным методам управления в начале 1928 г. был связан с использованием концепта «военной угрозы». В ситуации нагнетания с 1927 г. внешней угрозы руководству страны для проведения твердой линии в отношениях с капиталистическими державами необходимо было заручиться поддержкой населения, используя для этого как способы манипу-

ляции общественным мнением, так и механизмы милитаризации индивидуального и коллективного сознания.

В условиях внешнеполитического кризиса, вызванного прежде всего разрывом отношений с Англией в 1927 г., содержание советской внешней политики определял главный политический тезис о враждебности всех империалистических держав к СССР, необходимости использования их взаимных противоречий. В резолюции XV съезда ВКП (б) характеризовались основные факторы международной политики, влияющие на внутривнутриполитическое развитие страны, а именно: частичная стабилизация капитализма, обострение борьбы за сферы хозяйственно-политического влияния и сферы приложения капитала, осложнение отношений между евро-американскими странами-метрополиями и колониями, обострение социальных отношений в капиталистических странах [см.: Коммунистическая партия..., с. 14]. Таким образом, в постановлении XV съезда ВКП(б) резюмировалось: «капиталистическое развитие в целом обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мировой “передышки”, приблизить новую полосу больших империалистических войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов», что означало для СССР, как отмечалось в материалах съезда, «нарастающую напряженность в отношениях с капиталистическими странами, политика которых становилась все более враждебной по отношению к СССР и создавала прямую угрозу империалистического нападения извне» [см.: Там же, с. 14–15].

В сложившихся условиях на рубеже 1920–1930-х гг. руководство страны было вынуждено искать и применять новые стратегии взаимодействия с обществом, которые бы обеспечили поддержку реализуемого курса среди населения, усилили военный потенциал страны, повысили боеготовность армии и гражданского населения. В целом стратегии власти можно условно разделить на три направления: нагнетание представлений о возможности военного вторжения, мобилизация ресурсов, «военизация» населения.

Апеллирование к идее усиления военной опасности, содержащееся в постановлениях XV съезда ВКП(б), позволило сталинской группе укрепить свои позиции в борьбе с политическими оппонентами, доказать необходимость чрезвычайных мер социального

регулирования. Как отмечают А. Я. Лившин и И. Б. Орлов, сложившаяся ситуация требовала от властного аппарата целенаправленных и мощных действий, что проявилось в создании обстановки управляемого кризиса и контролируемой напряженности и обеспечило переход от нормального развития нэповского периода к социально-психологической мобилизации «большого скачка» [см.: Лившин, Орлов, с. 187].

Партийно-государственное руководство страны, выбрав концепцию «военной опасности» в качестве одного из механизмов мобилизации, существенное внимание уделяло распределению «политических ролей» при ее осуществлении. Первоочередной задачей власти в сложных условиях быстро меняющихся тенденций мировой политики, смены «партнеров» во внешнеполитической игре, роста напряженности международных отношений было формирование «положительного» имиджа советской внешней политики. В качестве основного канала трансляции официальной интерпретации международной ситуации использовались средства массовой информации (местные и центральные газеты, радио, выходившие большим тиражом специальные «библиотечки» литературы), которые одновременно создавали образ СССР как позитивной альтернативы Западу.

Принимая во внимание изменение внешнеполитической ситуации, в августе 1930 г., руководствуясь решениями XVI съезда ВКП (б), агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП (б) провел совещание редакторов центральных газет по вопросу «постановки иностранной информации в печати». В принятом постановлении ставилась задача обеспечить «интернациональное воспитание трудящихся в духе солидарности с борьбой международного пролетариата и внедрение в их сознание правильного понимания процессов внутри мирового капитализма» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 444, л. 114]. Для этого требовалось посредством широко, систематически поставленной, надлежащим образом комментированной и обработанной внешней информации «в максимальной мере показать отрицательные стороны капиталистической системы» [Коммунистическая партия..., с. 16].

В соответствии с принятым постановлением официальная пропаганда на рубеже 1920–1930-х гг. создавала все условия для формирования у населения страны новой картины мира, которая складывалась из набора довольно устойчивых стереотипов. В момент своего возникновения они в какой-то степени отражали подлинную ситуацию, но скоро оторвались от постоянно изменявшейся реальности [см.: Россия и Запад, с. 98].

Изменение международной ситуации являлось одним из основных информационных поводов для проведения городских, заводских, районных партийных собраний, на которых через тексты докладчиков транслировалась официальная трактовка политики западных государств, концепты внешнеполитического дискурса. Новые представления о внешнеполитической ситуации, догматизированные и воспроизводимые при каждом удобном случае, постепенно заменили собой идею «мировой революции» [см.: Там же, с. 98]. Если в лозунгах 1920 г. количество символов «мировой революции» более чем в 10 раз превосходило число национальных символов, то с 1929 г. прослеживается рост удельного веса национальной символики, с 1931 г. – непрерывное падение интереса к «мировой революции», а к 1943 г. все, что было связано с мировой революцией, в советской пропаганде практически сошло на нет [см.: Иголкин, с. 68–86].

Отходя от явной пропаганды идеи «мировой революции», правительство по-прежнему акцентировало внимание на необходимости поиска союзников и популяризовало концепцию «коллективной безопасности». На страницах газет постепенно выстраивался баланс между количеством публикаций, посвященных проблеме международного компромисса, и материалами, способствующими созданию атмосферы военной угрозы и «капиталистического окружения».

Систематическое акцентирование внимания населения на осложнении международной ситуации обусловило начало циркуляции слухов о неминуемом и скором начале войны, которые обостряли и без того сложную социальную ситуацию в городах и сельской местности, способствовали усилению общественного напряжения и росту панических настроений. Рабкоры и добровольные информаторы сообщали, что в связи с возможностью войны многие бросились

запасать продукты питания, мануфактуру [см.: ПермГАНИ, ф. 1095, оп. 1, д. 297, л. 35]. Отмечались также анекдотичные ситуации: находились люди, которые в связи с приближением войны стремились съесть и выпить побольше, в том числе вина и пива, так как, если начнется война, то всего этого не будет [см.: Там же, л. 35–36].

Угроза войны выявила целый спектр общественных настроений: от искреннего желания немедленно встать на защиту социалистического государства до ожидания войны и иностранного вторжения как единственного способа свергнуть власть коммунистов [НТГИА, ф. 21, оп. 1, д. 811, л. 234, 273, 308, 317, 320, 326; Там же, д. 1162, л. 93, 173; ПермГАНИ, ф. 1095, оп. 1, д. 297, л. 35].

Активная циркуляция подобных слухов и настроений была связана с нарастанием социальной неудовлетворенности, вызванной синдромом обманутых ожиданий, который остро проявился при подготовке кампании по празднованию десятилетия революции. Настроения разочарования населения в успешности «построения социализма» проявлялись в рассуждениях, зафиксированных в сводках органов ОГПУ и партийных комитетов, представляющих собой срез негативных оценок проводимой политики, полученных в ходе мониторинга общественных настроений [НТГИА, ф. 21, оп. 1, д. 811, л. 234, 273, 308, 317, 320, 326; Там же, д. 1162, л. 93, 173; ПермГАНИ, ф. 1095, оп. 1, д. 297, л. 35]. Они включали мнения о желательности войны как способа смены власти или решения острых социальных проблем. Однако необходимо отметить, что позитивное отношение к возможной войне было характерно для незначительной части населения; основная его масса, помня мировую и гражданскую войны, не желала повторения военных потрясений, допуская возможность вооруженного конфликта только в исключительном случае.

Эта установка во многом совпадала с оборонительно-мобилизационной стратегией власти, призванной создать общее настроение мобилизационной готовности. Советские пропагандисты, постоянно подчеркивая миролюбивый и антиимпериалистический характер внешней политики Советского государства, умело сочетали его с тезисом о необходимости мобилизации населения для отражения вероятной военной угрозы.

Эффективность данной тактики выстраивания отношений с населением не вызывает сомнений. В письмах граждан в управленческие структуры и к вождям революции, в воспоминаниях современников в различных формах отражается атмосфера всеобщего единения и готовности защищать свое государство. Даже в анонимном письме рабочих Алапаевского завода в ЦК ВКП (б) и окружной комитет ВКП (б), в котором остро критиковались действия советских властей, выражалась готовность в случае войны «воевать и штыком тыл держать» [НТГИА, ф. 21, оп. 1, д. 1162, л. 14–16].

При превалировании мобилизационных общественных настроений на рубеже 1920–1930-х гг. на уровне массового сознания не было осознанного понимания неизбежности войны. Так, в информационных сводках окружных отделов ОГПУ Уральской области отражены типичные настроения населения: «У народа существуют успокоительные настроения, что войны пока не будет и беспокоиться пока не о чем»; «Что война неизбежна, что надо отдать все силы на восстановление и развитие хозяйства, увеличить производительность труда, этого в сознании народа нет»; «Настроение у населения округа благоприятное, хотя прямого советского энтузиазма не чувствуется»; «На угрозу войны все реагируют обывательски, причем обывательских своих намерений не проявляют» [ПермГАНИ, ф. 1095, оп. 1, д. 297, л. 35; ГАПК, ф. Р-122, оп. 1, д. 1375, л. 120; ЦДОСО, ф. 4, оп. 10, д. 701].

Для ликвидации подобных настроений партийно-государственным руководством была начата реализация программы оборонно-массовой работы, направленной на «военизацию страны». Основными шагами властей, направленными на реализацию данных задач, являлись следующие мероприятия, приобретавшие традиционную для рубежа 1920–1930-х гг. форму массовых политических кампаний: формирование образа внешнего врага, представлений о враждебности мировой политики по отношению к СССР и о миротворческом характере советской внешней политики; создание и регламентация деятельности добровольных военизированных обществ: ОСОАВИАХИМа, МОПРа и др.; проведение «Недель обороны», способствовавших милитаризации общественного сознания

и формированию представления о непобедимости РККА; «военная социализация» и повышение боевой подготовки всех категорий населения [см.: Ильиных, с. 100–106].

Таким образом, политика милитаризации общественного сознания и общественной жизни в условиях «военной угрозы» 1927–1928 гг. стала одной из мобилизационных стратегий советского руководства, направленной на решение прежде всего актуальных внутривластных задач. Сравнительный анализ материалов властного и низового дискурсов показывает не только возможности, но и проблемы в реализации властью механизмов социального инжиниринга, действовавших в 1917–1920-е гг.

Иголкин А. Пресса как оружие власти // Россия. XXI. 1995. № 11–12. С. 68–86.

Ильиных И. В. Курс на «военизацию» городского населения Урала и его реализация на рубеже 1920–1930-х гг.: стратегии властного и низового дискурса // Учен. зап. Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад. Общественные науки. Н. Тагил, 2007. С. 100–106.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4 : 1927–1931. М., 1970.

Лившин А., Орлов И. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002.

Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. / отв. ред. А. В. Голубев. М., 1998.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н. Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О. В. Шер; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013.

Хлевнюк О.В. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 62–74.

Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45–93.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–101.

Fitzpatric Sh. and Ludtke A. Energizing the Everyday: On the Breaking and Making of Social Bonds in Nazism and Stalinism // Michael Geyer, Sh. Fitzpatric. Beyond Totalitarianism / Stalinism and Nazism Compared. Cambridge, 2009. P. 266–301.

ГАПК. Ф. Р-122 (Отдел социального обеспечения исполнительного комитета красноармейского районного Совета депутатов трудящихся).

НТГИА. Ф. 21 (Нижнетагильский окружной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

ПермГАНИ. Ф. 1095 (Документы Пермского горрайкома ВКП(б), Пермский округ, Уральская область).

РГАСПИ. Ф. 17 (Секретный отдел ЦК ВКП(б)).

ЦДООСО. Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС).